
Служба и быт казаков Исетской провинции в период перехода от крестьянской к казачьей жизни (1737–1740-е гг.)

Андрей Конюченко

**Service and life of the Cossacks of the Iset province
during the transition from peasant to cossack life (1737–1740s)**

*Andrey Konyuchenko
(Chelyabinsk State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X24020072, EDN: HISANK

Начало деятельности Оренбургской экспедиции (1734–1744 гг., с 1737 г. – Оренбургская комиссия) вызвало крупные геополитические перемены на Южном Урале и привело к масштабному башкирскому восстанию 1735–1740 гг. В связи с этим на башкирских территориях были построены русские крепости – опорные пункты на пути следования обозов к строящемуся Оренбургу. Ещё до восстания в 1734 г. заложили Верхнеяицкую пристань, в 1736 г. Чебаркульскую, Миасскую, Челябинскую, в 1737 – Еткульскую крепости. В них поселили крестьян, ставших казаками. 14 июля 1737 г. на совещании («генеральном совете») в Мензелинске с участием тайного советника В.Н. Татищева, генерал-майора Л.Я. Соймонова, уфимского воеводы С.В. Шемякина, полковников И. Бардакевича и А. Тевкелева «с прочими штаб-офицерами» для повышения эффективности управления территориями, охваченными башкирским восстанием, было решено «за Уралом новую Исетьскую провинцию учредить»¹. 13 августа 1737 г. из кабинета императрицы Анны Иоанновны поступило сообщение в Сенат об учреждении Исетской провинции с местом пребывания воеводы в Чебаркульской крепости. В её состав включались Исетский, Окуневский и Шадринский уезды. Впоследствии административный центр перенесли в Теченскую слободу². По сенатскому указу 22 сентября 1743 г. административным центром провинции стала Челябинская крепость, где решено было устраивать ярмарку – «определено по способности к торгам». Воеводой Исетской провинции назначили подполковника Оренбургского полка Петра Бахметева, его товарищем – капитана Никиту Агарёва, секретарём – канцеляриста Михаила Черемисинова³.

По мнению начальника Оренбургской экспедиции, а впоследствии первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева, Челябинск подходил на роль административного центра более других мест по причине равной удалённости от русских и башкирских населённых пунктов. Обосновывая перенесение центра управления, Неплюев писал: «Что касается до провинциального правления,

© 2024 г. А.И. Конюченко

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-20154.

¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001. С. 80–81.

² ПСЗ-И. Т. 10. № 7347. С. 242, 244; Дегтярёв И.В. Основание крепости // Челябинск в разных измерениях. Челябинск, 1986. С. 59.

³ ПСЗ-И. Т. 11. № 8783. С. 896–897.

то ему определено ныне быть в Челябинской крепости... для того, что помянутая крепость жилым всем довольнее и просторнее, и как к Башкирии, так и к русским жилам способнее»⁴. Действительно, перепись населения крепостей, проведенная в декабре 1739 — апреле 1740 г., показала, что в Челябинской крепости вчерашних крестьян, записанных в казаки, оказалось больше, чем в остальных. Здесь были зафиксированы 184 семьи (1 061 человек), в Миасской — 64 (284), в Чебаркульской — 51 (261), в Еткульской — 44 (226 человек)⁵. В делопроизводственной документации 1740-х гг. Челябинская крепость стала именоваться городом.

Краткий анализ данных переписи крепостей Исетской провинции 1739—1740 гг. впервые представил Н.В. Устюгов⁶. Некоторые его выводы подверг критике челябинский краевед И.В. Дегтярёв, положивший начало более обстоятельному изучению субрегиональной истории восточной части Южного Урала⁷. Материалы переписи населения Челябинской крепости проанализировал челябинский историк и краевед В.С. Боже⁸. Адаптацией материалов переписей Челябинской, Чебаркульской, Миасской, Еткульской крепостей, выявленных и собранных Дегтярёвым, занимался челябинский краевед В.В. Поздеев⁹. На его работы впоследствии опирался Г.Х. Самигулов¹⁰. Экстраполяцию материалов переписи Челябинской крепости на конец XX в. предпринял журналист М.С. Фонотов¹¹; отдельные аспекты материалов переписи Челябинской крепости рассматривались автором настоящей статьи¹².

⁴ Дегтярёв И.В. Основание крепости. С. 59.

⁵ Дегтярёв И.В. Из истории заселения местности по среднему течению реки Миасс (начальный период) // Краеведческие записки. Вып. II. Челябинск, 1969. С. 16—17.

⁶ Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII веке // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958. Таллин, 1959. С. 33—42.

⁷ Дегтярёв И.В. Из истории заселения... С. 13—25; Дегтярёв И.В. Наш район по материалам переписи 1719 г. // Колхозная жизнь (Бродокалмак). 1959. 9, 14 апреля; Дегтярёв И.В., Егоров В.К. Как была построена Миасская крепость // Доклады к научно-краеведческой конференции в Красноармейском районе Челябинской области. Миасское; Челябинск, 1966. С. 51—54; Дегтярёв И.В. Русская Теча — самое старинное селение в нашей области // Маяк (Миасское). 1967. 13 мая; Дегтярёв И.В. Из истории возникновения Челябинска (обстоятельства построения Челябинской крепости) // Родной край и школа. Челябинск, 1973. С. 102—111; Переписная книга населения Челябинской крепости 1740 года // Дегтярёв И.В. Челябинская старина. Сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е годы XVIII — середина XIX века). Челябинск, 1996.

⁸ Боже В.С. Кто населял Челябинскую крепость // Челябинский рабочий. 1987. 18 августа.

⁹ Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области // Союзная мысль. 2011. 25 сентября. № 53(288) (URL: http://samlib.ru/s/shetkova_o_a/mojaelektronnajagazeta-6.shtml (дата обращения: 17.07.2020)).

¹⁰ Книги переписные Исетской провинции // Самигулов Г.Х. От Далматова монастыря до Чебаркульской крепости. Чебаркуль; Челябинск, 2011. С. 179—269.

¹¹ Фонотов М.С. Первые граждане // Врата Рифея. М., 1996. С. 103—105.

¹² Конюченко А.И. Социальный состав и малая родина первопоселенцев Челябинской крепости (по материалам переписи 1739—1740 годов) // Новый исторический вестник. 2022. № 3(73). С. 6—29; Зауральские пути в Челябинскую крепость // Архив в социуме — социум в архиве. Материалы Пятой всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2022. С. 250—254; Причины переселения крестьян, оказавшихся по своей и Божьей воле в Челябинской крепости // Гороховские чтения. Материалы Тринадцатой региональной музейной конференции. Челябинск, 2022. С. 216—228; Русский казачий город Ч (культурные характеристики XVIII в.) // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: между традицией и новой реальностью. Сборник материалов V международной конференции. Челябинск, 2022. С. 87—94.

Относительно казаков Исетской провинции в дореволюционной историографии бытовало мнение, что те ведут начало от казаков Ермака. Первый историк Оренбургского казачьего войска полковник П.И. Авдеев считал, что исетские казаки назывались по месту жительства в Исетской провинции, но ошибочно связывал их появление с основанием Челябинской крепости (указывая неправильную дату её основания — 1658 г. вместо 1736-го) и пришёл к выводу: «Нет сомнения, что исетские казаки происхождением своим обязаны той знаменитой в русской истории донской вольнице, которая с Ермаком покорила Сибирь и образовала сибирских казаков»¹³. Основываясь на высказывании писателя И.И. Завалишина, считавшего, что первые русские жители Сибири были потомками казаков, «пришедших с Ермаком с Дону и Яика и оставшихся в Берёзове, Сургуте, Тобольске, Таре, Туринске и Пелыме»¹⁴, войсковой старшина Ф.М. Стариков распространил эту мысль: казаки «получили свои названия от местностей, где они основались, например: в Берёзовске стали называться берёзовскими, в Сургуте — сургутскими, на реке Исети — исетскими и т.п.»¹⁵. Ему вторили и другие исследователи: «В Исетской провинции издавна стали селиться и русские. Первыми поселенцами из русских здесь были исетские казаки, произошедшие от Донских, находившихся в отряде Ермака Тимофеевича»¹⁶; «Первыми поселенцами провинции были казаки из дружины Ермака и, поселившись на р. Исеть, назывались исетскими казаками»¹⁷. Эти авторы, вероятно, не были знакомы с указанием непосредственного участника событий, главного начальника Оренбургского края Неплюева: «По всей той линии регулярных команд нигде не было, кроме беглых крестьян, названных казаками, в некоторых местах населённых»¹⁸. Следовательно, на данной территории казаками стали крестьяне, которым государство изменило их социальный статус.

В советской историографии казачья тема глубокого развития не получила, хотя выходили работы, посвящённые региональной казачьей истории¹⁹. В постсоветский период изучение истории Оренбургского казачьего войска и исетского казачества продолжилось²⁰. В.Д. Пузанов отметил, что советские историки некритично восприняли положения дореволюционных авторов в отношении

¹³ Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником войскового хозяйственного правления полковником Авдеевым. 1873. Оренбург, 1904. С. 10–11.

¹⁴ Завалишин И.И. Описание Западной Сибири. В 3 т. Т. 1. М., 1862. С. 277.

¹⁵ Откуда взялись казаки? Исторический очерк / Сост. Ф.М. Стариков. Оренбург, 1884. С. 84.

¹⁶ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1891. С. 451.

¹⁷ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1906. С. 55.

¹⁸ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). Новое полное издание с примечаниями. СПб., 1893. С. 135.

¹⁹ Машин М.Д. Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

²⁰ Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX в. Челябинск, 1996; Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трёх веках. Челябинск, 1999; Абрамовский А.П., Кобзов В.С., Кузнецов В.А. Сквозь призму веков. Из прошлого оренбургского казачества. Челябинск, 2002; Поздеев В.В. Исетские казаки. (К вопросу о времени возникновения термина) // Челябинск неизвестный. Вып. 1. Челябинск, 1996. С. 177–184; Пузанов В.Д. Исетское казачество в XVIII в. // Пермский регион: история, современность, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. Березники, 2001. С. 134–139.

последних, исследовав истоки и формирование категории беломестных казаков²¹. В статье краеведа В.В. Поздеева говорится, что «вопрос о происхождении исетского казачества остается дискуссионным»²²; архивист А.И. Потерпеева предприняла попытку реконструировать уклад жизни челябинских жителей с момента основания крепости до 1781 г. и охарактеризовать нравы населения²³. Историк В.А. Кузнецов обратил внимание на предысторию оренбургского казачества: источники его формирования, планы и действия первого начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кириллова, показал соотношение армейских и казачьих формирований в крепостях²⁴. Г.Х. Самигулов указал на заблуждения относительно происхождения термина «исетские казаки» и установил личность их первого атамана. Как отметил автор, казаки старых слобод, находившихся на Исети, в состав войска не входили и не назывались исетскими²⁵. А.Г. Любимов рассмотрел некоторые наиболее важные эпизоды жизни южноуральских казаков Исетской провинции: события служебно-бытовой стороны, церковной жизни, руководящий состав²⁶. Делопроизводственную документацию, исходящую из Исетской провинциальной канцелярии, как лингвистический материал исследовали филологи²⁷.

После строительства крепостей и записи в них крестьян, повёрстанных в казаки, происходила дополнительная комплектация состава иррегулярных войск — казаков крепостей Исетской провинции. Источником пополнения казачьих гарнизонов служили крестьяне, оторвавшиеся от общин и оказавшиеся вдалеке от дома, в зоне фронта. Такие люди в делопроизводственной документации назывались «шатающимися праздно беглыми крестьянами» и другими «чинами разных губерний», которые были «положены и не положены в подушную оклад». Их в соответствии с указом императрицы отсылали в новые крепости²⁸. В марте 1740 г., например, в Миасскую крепость направили пять человек в возрасте от 56 до 70 лет; лишь один из них имел семью. Малой родиной прибывших были деревни в окрестностях Шенкурска, Хлынова и Вологды. По прибытии в Миасскую крепость им полагалось отвести места под

²¹ Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI — начало XIX в.) Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 1999. С. 13; Пузанов В.Д. В.Н. Татищев и проблема беломестных казаков // Шестые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2006. С. 46–51.

²² Поздеев В.В. Исетское казачество // Челябинская область. Энциклопедия. Т. 2. Челябинск, 2004. С. 614, 615.

²³ Потерпеева А.И. Уклад жизни, нравы и занятия жителей Челябинской крепости // Исторические чтения. Вып. 7–8. Челябинск, 2004. С. 154–164.

²⁴ Кузнецов В.А. Казачество в истории Челябинска и Южного Урала в XVIII в. // Гороховские чтения. Материалы Третьей региональной музейной конференции. Челябинск, 2012. С. 136–142.

²⁵ Самигулов Г.Х. Развенчивая мифы истории. Откуда на самом деле пошли исетские казаки // Южноуральская панорама. 2015. 10 марта; Самигулов Г.Х. Мужицкий атаман // Южноуральская панорама. 2011. 27 октября.

²⁶ Любимов А.Г. Миасская крепость (станция). XVIII век (о некоторых событиях) // Гороховские чтения. Материалы Седьмой региональной музейной конференции. Челябинск, 2016. С. 165–172; Любимов А.Г. Из истории Еткульской станицы. Некоторые эпизоды местной жизни. XVIII век // Гороховские чтения... С. 173–179; Любимов А.Г. Об атаманах и старейшинах исетских казаков (1740–1780 годы) // Гороховские чтения. Материалы Двенадцатой региональной музейной конференции. Челябинск, 2021. С. 185–192.

²⁷ Лингвистическое краеведение на Южном Урале. Ч. II. Материалы к истории языка деловой письменности XVIII в. Челябинск, 2001.

²⁸ Объединённый государственный архив Челябинской области (далее — ОГА ЧО), ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 7.

строительство дворов и «содержать их тамо особливо, не счисляя с протчими казаками». Следовало также «репорты о них присылать особливые ж... и никуда их без указа из крепости не отпускать, и во отпуск пашпортов не давать, и смотреть того, дабы оне не разбежались»²⁹.

Не следует, однако, думать, что все новые казаки Исетской провинции находились под неусыпным контролем. 20 января 1742 г. в Исетскую провинциальную канцелярию явился Алексей Семёнов сын Романов, сказавший о себе, «что он родом Архангелогородской губернии города Тотмы волости Вотчи деревни Великого двора дворцовой крестьянин, от роду ему дватцать пять лет». В 1737 г. он записался в казаки в Миасскую крепость вместе с отцом и братом и «был де отпущен на прежнее жилище с пропускным писмом для взятъя жены своей, которую де оттуда и привез ныне с собою»³⁰. В материалах переписи Миасской крепости действительно значились жители: «Афонасей Романов двадцати лет. У него отец Семен восьмидесяти лет. Родом они Тотменской губернии волости Вотчи, государственной, а не помещичей крестьянин»³¹. Алексей Романов отсутствовал на Южном Урале около четырёх лет; по возвращении его отправили в Миасскую крепость с указанием воеводы Исетской провинции П. Бахметева: «И под дворовую селидбу, и под пашню места, и сенные луга отвести ему против протчих казаков»³². Судя по переписи населения Миасской крепости, Романовы были не единственными выходцами из окрестностей Тотмы³³. В переписной книге Миасской крепости этот топоним упоминается 15 раз. Администрация Исетской провинции удовлетворяла ходатайства о переводе казаков из одной крепости в другую. В 1749 г. казаку Чебаркульской крепости Максиму Кадышеву разрешили перевестись в Миасскую крепость к братьям, «для того что де жил в Чебаркульской крепости один, а во оной Миасской крепости в казаках находятца братья ево родные». Кадышева перевели к ним «для наилутчаго казачьего домового обзаведения»³⁴.

Пополнение южноуральских крепостей происходило на фоне сенатского указа от 2 августа 1742 г., согласно которому следовало «смотреть, чтоб ни под каким видом беглых из российских городов людей, и крестьян, и беглых же драгун, солдат, матросов, и других служилых людей в Донские казачьи городки не принимали»³⁵. В отношении же крестьян, оказавшихся на территории Исетской провинции, Сенат в 1744 г. принял другое решение: «Которые ж беглые записаны в новопостроенных по линии к Оренбургу крепостях в казаки, и тамо уже обселились, и действительно службы служат, тех всех... оттуда не высылать, а быть им, как оные ныне есть, в казаках». В дальнейшем же брать таких людей запрещалось: «Чтоб впредь беглых отнюдь не принимали и не записывали б, а отсылали б таких на прежнее жилище в немедленном времени». Эта норма повторена в 1803 г. в докладе Военной коллегии об устройстве и штате Оренбургского казачьего войска³⁶.

²⁹ Там же, л. 7–7 об.

³⁰ Там же, л. 71.

³¹ Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области.

³² ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 71–71 об.

³³ Поздеев В.В. Первопоселенцы Челябинской области.

³⁴ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 833–833 об.

³⁵ ПСЗ-1. Т. 11. № 8889. С. 632.

³⁶ Там же. Т. 12. № 9006. С. 186; Т. 27. № 20785. С. 641.

Об основных обязанностях казаков, их бытовом укладе можно составить представление на основании инструкции, направленной в Миасскую крепость 19 ноября 1744 г. воеводой Исетской провинции подполковником Бахметевым и капитаном Кастыриным. По сути, это инструкция, направленная в Миасскую крепость³⁷. Аналогичных документов, адресованных в другие крепости, не выявлено, но, надо полагать, они существовали. Для внутреннего управления казаки выбирали из своей среды писарей, старшин и атаманов, а также назначали к производству в войсковые чины хорунжего, сотника, есаула. Указом Оренбургской комиссии от 3 июня 1742 г. предусматривалось в крепостях иметь по одному сотнику, пятидесятнику, хорунжему и по 50 рядовых казаков³⁸.

По проекту оренбургского губернатора Неплюева в Исетской провинции должно было находиться 1 380 казаков³⁹. Для рассмотрения штата при Военной коллегии создали специальную комиссию, и 22 июля 1748 г. губернатор получил требуемое штатное расписание (см. табл.).

Таблица

**Штатное расписание казаков крепостей Исетской провинции
в 1748 г.**

	Челябинская	Миасская	Чебаркульская	Еткульская	Уйская	Укль- Карагайская
Общее количество казаков	400	200	300	350	80	50
Атаманов	1	1	1	1	1	1
Есаулов	1	1	1	1	1 есаул или сотник	1 есаул или хорунжий
Сотников	4	2	3	1		
Хорунжих	4	2	3	3		
Писарей	1	1	1	1	1	1

Составлено по: Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VII. Оренбург, 1906. С. 84.

Всего в иррегулярных войсках Оренбургской губ. числилось 4493 человек, в том числе в Исетской провинции — 1 380, Уфимской — 1 250, в Ставропольском ведомстве — 250, Оренбургском — 800, Оренбурге и Берде — 813 человек⁴⁰.

³⁷ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 347 об., 348, 352, 352 об.

³⁸ *Старилов Ф.М.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамён и карты. Оренбург, 1891. С. 70; Материалы по историко-статистическому описанию... С. 63.

³⁹ Материалы по историко-статистическому описанию... С. 79.

⁴⁰ Там же. С. 80–84.

В Исетской провинции, таким образом, располагалась примерно треть казачьих войск Оренбургской губ. Все они значились по штату «безжалованными».

В силу возраста и отсутствия боевого опыта часть казаков Исетской провинции не могли проходить действительную службу. Исетская канцелярия обращала внимание, что некоторые «есть престарелые, а другие хотя и молоды, но к военным случаям не за обыкновения, ибо многие населились из непограничных мест, кои не то чтоб в партиях, и при боях против неприятелей бывали, но и ружья в руках у них не бывало»⁴¹.

Военная коллегия в 1738 г. предписывала в отношении крестьян, поступающих в рекруты, «воинской экзерциции обучать ружьем, а где ружья нет, то хотя деревом». Воевода Бахметев распорядился дважды в год — летом и зимой — наставлять их в стрельбе и кавалерийском искусстве: «обучать казачей экзерциции, чтоб исправно умели владеть лошадыю, зарезать ружье, стрелять в цель». Для тренировок в стрельбе во всех крепостях атаману исетских казаков Севастьянову выдали необходимое для занятий количество свинца и пороха⁴².

Необходимость тренировок и учений обуславливалась ещё свежими воспоминаниями о башкирском восстании. В феврале 1738 г. башкиры «приходили всем собранием к крепости Чебаркульской и ко оной приступали», нападали на крестьян, ехавших в Чебаркульскую крепость «да ранили из луков дву человек да одну лошадь». 1 апреля того же года на 20 казаков «кои ездили из Чебаркульской крепости для рубки лесу на домовое строение, в бору напали воры башкирцы десять человек, и отбили у них семь лошадей, да ранили четырех казаков». Подобные случаи не были единичны⁴³. 10 апреля на 59 солдат и казаков, отправленных из крепости «для дранья моху к строению казенного дому... напали воры башкирцы более ста человек, и с оными был бой, и притом побито из воров три человека». 12 апреля на 45 солдат и казаков, «командированных из Чебаркульской крепости в бор для добычи лесу... напали воры башкирцы немалым собранием и учинили бой, на коем побито ворами казаков четыре, ранен один, в полон взято два человека, да отбито шесть лошадей, и несколько ружей, и протчего». Обстановка на Южном Урале оставалась нестабильной и после подавления башкирского восстания 1735–1740 гг.: теперь на первый план вышла проблема набегов казахов. В 1743 г. им удалось захватить в плен группу черкас, «кои тогда при Илецком городке у жнитвы хлеба находились, мужескаго и женскаго полу, и с ребятами, всего восемьдесят два человека, а с захваченными в других местах — до ста человек»⁴⁴. Казаки Исетской провинции в подавляющем большинстве прежде были крестьянами, но, в отличие от большинства сельских жителей России, имели некоторый боевой опыт, полученный в основном в ходе событий 1735–1740 гг.

Каждому казаку полагалось иметь годную к службе лошадь, а также конскую верховую, санную и тележную сбрую, поскольку лошадей использовали не только для верховой езды, но и впрягали в телеги летом и в сани зимой. Цены на лошадей, судя по данным об их купле-продаже в Миасской крепости в 1747 г., колебались в основном от 2 до 3 руб. Их не только покупали, но и обменивали. В Кургане в 1748 г. в драгунские полки лошадей приобретали за 6–10 руб. Главным участником сделок в Миасской крепости, зафиксированных

⁴¹ Лингвистическое краеведение... Ч. II. С. 55.

⁴² ПСЗ-1. Т. 10. № 7659. С. 618; ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 344.

⁴³ Самисулов Г.Х. От Далматова монастыря... С. 158, 159.

⁴⁴ Рычков П.И. История Оренбургская... С. 170.

в сохранившихся документах, был крестьянин Пышменской заимки Верхотурского ведомства Иван Суклемов, продававший «перекупных» и выращенных лошадей и меринов⁴⁵. Инструкция воеводы Исетской провинции предписывала обратить особое внимание на охрану лошадей: «В летняя времена надлежит беречь конския табуны, чтоб какие воровские люди, тайно подкравшись, отгонить оных не могли». Надлежало иметь необходимое количество охраны и по ночам объезжать табун. Проверка надёжности охраны возлагалась на старшину и сотников крепости с несколькими казаками⁴⁶.

В начале деятельности Оренбургской экспедиции ощущался острый недостаток конского корма. Командир Сибирского драгунского полка И.С. Арсеньев доносил В.Н. Татищеву 18 января 1736 г.: «В той Течинской слободе овса и сена не иметца, а надлежало бы в той слободе губернии заблаговременно заготовить овса и сена с удовольствием»⁴⁷. В инструкции воеводы П. Бахметева этому вопросу посвящён отдельный параграф. С казаков взяли расписки, что они будут заготавливать сено для провиантских обозов, следующих на Верхне-йицкую пристань. Атаману Миасской крепости Бахметев предписывал: «И тебе подтверждается по вся лета велеть им, казакам, сена к зиме заготавливать з довольством». Сено следовало хранить в одном месте, чтобы избавить подводчиков от хождения по дворам в его поисках⁴⁸. Проблемы с заготовкой корма для лошадей приводили к падежу скота и в более позднее время. В 1786 г. у исетских казаков лошади гибли от бескормицы во время похода, а в Верхне-уральске «от большого снега и холодной погоды, так как были изнурены зимой вследствие бескормицы»⁴⁹.

Казацкие караулы должны были состоять из четырёх человек во главе с «нароचितым» казаком и ходить дозором трижды за ночь. Казаков обязали также следить за исправностью крепостных укреплений: «Город, и надолбы, и рогатки чтоб во всем были исправны, а где обветшает, велеть немедленно казаками починивать, ибо оное для собственной их безопасности служит»⁵⁰. Согласно плану начала 1740-х гг., Миасская крепость представляла собой четырёхугольник 38 на 40 саженей (80,94 на 85,2 м) земляного вала с фасадами по углам. С наружной стороны находились рвы, с восточной, западной и северной — рогатки⁵¹. Челябинская крепость, по замечанию И.Г. Гмелина, была «похожа на Миасскую, но побольше и окружена только деревянными стенами из лежащих бревен. Каждая стена имеет примерно 60 саженей»⁵². Кроме ремонта крепостных укреплений казаков запрещалось отправлять на выполнение других трудовых повинностей без ведома Исетской провинциальной канцелярии.

Много внимания уделялось пожарной безопасности. Оговаривалась ширина улиц и переулков (по 8 и 6 сажен)⁵³. Бани не следовало связывать с другими строениями и ставить на огородах. Особые правила имелись для размещения

⁴⁵ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 344, 776–777 об., 780 об., 781; *Потанин Г.Н.* Материалы для истории Сибири. М., 1867. С. 131.

⁴⁶ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 345–345 об.

⁴⁷ *Самигулов Г.Х.* От Далматова монастыря... С. 141.

⁴⁸ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 346–346 об.

⁴⁹ Материалы по историко-статистическому описанию... Вып. IV. Оренбург, 1905. С. 20–21.

⁵⁰ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 346, 346 об.

⁵¹ Откуда взялись казаки... С. 95.

⁵² *Гмелин И.Г.* Путешествие по Сибири // Дореволюционный Челябинск в слове современников. Челябинск, 2020. С. 217.

⁵³ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 346, 348 об., 350; ПСЗ-I. Т. 11. № 8556. С. 602.

в постройках печей, а в летнее время следовало пользоваться печами, возведёнными во дворах и на огородах: «того накрепко смотреть и объезды чинить». Если из-за тесноты дворов сложить там печь не получалось, с мая по сентябрь разрешалось топить домашнюю печь два дня в неделю, «и то с великою осторожностью». Ежегодно полагалось у всех жителей осматривать печи везде, «где огонь водитца», чтобы по хозяйскому недосмотру не произошло возгорания. При пожаре по крайней мере один человек от двора должен был принимать участие в тушении. Для этого следовало иметь «в готовности кошело, ведры, топоры, лесницы, лопаты и вилы»⁵⁴.

Оговаривались правила использования заготавливаемой в лесу древесины и правила пожарной безопасности в лесах: «Иметь крепкое и неослабное смотрение, чтоб леса бездельно никем трачены не были, и на дрова годного к строению рубить не велеть, также и бересту на крышки и на дело с растущих и годных к строению дерев драть запретить». Разрешалось снимать бересту с валежника, «дабы валежник напрасно не погнил». Разводить в лесах костры предписывали с осторожностью: «Великих огнищ в лесах раскладывать не велеть», а после приготовления пищи заливать костровище, «чтоб пожару не учинилось». Тех, кто, пренебрегая мерами предосторожности, «пожар спустит или, паче чаяния, хлебные скирды или сennыя стоги погорят», ждал «немалый штраф»⁵⁵. Сенатский указ 1740 г. со ссылкой на Соборное уложение и Военный устав повелевал довести до всеобщего сведения, что виновные в поджоге и доносительстве на поджигателей, как и уличённые в краже, произведённой во время пожара, подлежат смертной казни⁵⁶. Пожары представляли собой страшное бедствие. Например, 15 апреля 1770 г. перед отъездом П.С. Палласа из Челябинска ночью было видно сильное зарево. Степь горела три дня, и, если бы не дождь, город мог погибнуть⁵⁷.

Казакам Миасской крепости и крестьянам из деревень и слобод позволялось беспопытно торговать хлебом и продуктами питания неместного производства. Администрации следовало «смотреть того, чтоб оным в продаже тех припасов ни от кого обид не было», сохраняя таким образом заинтересованность «в привозе таковых припасов». За торговлей осуществлялся контроль, в Исетскую канцелярию опрашивали отчёт: «В котором месяце таких харчевых и хлебных припасов на продажу в привозе и по какой цене продаваться будет»⁵⁸. В Екатеринбурге в 1730-х гг. пуд ржи стоил 4–5 коп., ячменя — 3, пшеничной муки — 10, пуд свинины — 20–30 коп.⁵⁹ В Уфе в январе–феврале 1739 г. четь (8 пудов) ржи в зависимости от сорта стоила 75–80 коп.; пшеница — вдвое дороже; ячмень — 80–85 копеек за четверть. Пуд ржаной муки продавали за 12–13 коп., пшеничной — за 20–21, солода — за 15–17, ячневой крупы — за 15–18, гороха — за 13–15, свежей говядины — за 30, свежей свинины — за 35 коп.; пуд коровьего масла стоил 1 руб. 10 коп.⁶⁰ Согласно инструкции, в торговых рядах и «в прочих местах, в которых продаются всякия съестныя харчи», следовало

⁵⁴ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 348 об.–349 об.

⁵⁵ Там же, л. 346.

⁵⁶ ПСЗ-И. Т. 11. № 8184. С. 198–200.

⁵⁷ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. II. Кн. II. СПб., 1786. С. 18.

⁵⁸ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1, д. 1, л. 348.

⁵⁹ Черкасова М.С. Мастерские и рабочие люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 146.

⁶⁰ РГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 134, л. 1196–1197.

наблюдать, чтобы «никакого нездорового и вонючего харчу... не продавали». Для убоя скотины были отведены особые места за городом. Требовалось проверять продавцов, «чтоб меры и весы были верные... и цену хлебных и съестных товаров не возвышали». Употреблявших фальшивые весы и меры штрафовали и отправляли в провинциальную канцелярию в Челябинск⁶¹.

В крепостях полагалось следить за чистотой. В городе запрещалось оставлять навоз и «всякий сор», на улицах не должно было быть «никакого помета и мертвечины». От мусора избавлялись по субботам, отвозя его в находящиеся в удалении «ямы и боераки». Особое внимание уделялось чистоте водоёмов и прибрежной полосе: «В воду никакого помету бросать не велеть и около реки навоз не класть». Нарушителей из казаков полагалось наказывать при старшине, о нарушителях «ис протчих чинов» доносить в канцелярию. О случаях обнаружения в крепостях и башкирских деревнях моровой язвы следовало немедленно сообщать в Челябинск в канцелярию⁶².

Воевода Исетской провинции предписывал в случае падежа скота, даже если это был единичный случай, закапывать трупы в удалении от мест происшествия и дорог⁶³. Подобное отмечалось в этих местах и раньше. В июле 1735 г. майор Я. Павлуцкий доносил В.Н. Татищеву, что «в Теченской слободе объявилась поветряная язва, а как видится, что скот оною валится, от которого и людям пристаёт». В ответ последовало распоряжение «ныне скотину бить и из нея молоко есть на некоторое время накрепко запретить»⁶⁴. Эта предосторожность не была излишней. Массовые случаи падежа скота происходили в 1740–1750-х гг. в смежных с Исетской провинцией районах Западной Сибири. Тарская воеводская канцелярия сообщала, что в течение июня 1740 г. пали 280 лошадей. В Верх-Иртышских станицах с 29 июня по 13 июля 1750 г. погибли 592 лошади и 27 коров. Аналогичные случаи отмечены в Верхотурской, Тюменской воеводской и Тобольской подгородной канцеляриях, а также в районах восточного склона Урала. Паллас писал, что в южных районах Исетской провинции свирепствовала «опасная для коней зараза, которая, однако ж, редко в народе оказывается»⁶⁵.

Согласно инструкции, принимались особые меры «к пресечению воровства, и воровских приходов, и протчих непотребных людей». На ночь большие улицы перекрывали рогатками, для обслуживания которых привлекали жителей этих улиц; в дежурствах участвовали даже старики и малолетние дети. Для оповещения о пожарах, драках, преступлениях использовались трещотки, «дабы всяких чинов жители для бывших пожаров, и разнимательства драк, и поимки воров, слыша тот трещеточный бой, из домов своих выходили на помощь». Виновников тревоги и беспорядков надлежало ловить и доставлять в Исетскую провинциальную канцелярию⁶⁶. Отдельно упоминаются в инструкции «по улицам и переулкам слоняющиеся люди», буянящие пьяницы, которые «не в указанные часы ходить и шататься будут». Возможно, этот параграф позаимствовали из другого источника: «В протчих городех бывает много беглых солдат, и матросов, и протчих воров, и бывает от них воровство и смертное убийство». Подоб-

⁶¹ ОГА ЧО, ф. И-63, д. 1, л. 351.

⁶² Там же, л. 348, 350–351.

⁶³ Там же, л. 348.

⁶⁴ *Самигулов Г.Х.* От Далматова монастыря... С. 146.

⁶⁵ *Потанин Г.Н.* Указ. соч. С. 246, 250, 251; *Паллас П.С.* Путешествие... Ч. II. Кн. II. С. 16, 21.

⁶⁶ ОГА ЧО, ф. И-63, оп. 1 д. 1, л. 350, 350 об.

ный контингент обретался при кабаках, торговых банях и харчевнях, и на него требовалось обращать особое внимание: «Таких непотребных людей в рогатках не пропускать и во всех означенных местах осматривать, а где такие найдутся, или на улицах и в переулках шататца будут, тех ловить и присылать» в Челябинск. О случаях обнаружения притонов, «где явятца подозрительные дома, а имянно тайно корчемныя, бляцкия и другия похабства», надлежало доносить письменно в провинциальную канцелярию⁶⁷.

Распоряжения исетского воеводы относительно охраны общественного порядка не были излишними, о чём свидетельствует информация о чрезвычайном происшествии в Миасской крепости. 17 сентября 1742 г. из дома казака Нифонта Рукавишникова «из собственных его пожитков» неизвестные украли жемчужный кокошник и другие предметы «женского убору». Украли также 15 аршин конопляного холста у казака Игнатия Суботина, жившего в том же доме⁶⁸. Оба пострадавших — 33-летний Рукавишников и 29-летний Суботин — значились холостыми и, видимо, поэтому проживали в одном доме. Предметы «женского убору» они могли иметь для своих будущих жён.

Иррегулярные формирования восточной части Южного Урала — Исетской провинции — создавались в экстремальной обстановке зоны фронта, сопряжённой с противостоянием российской власти с народами, закрепившимися на этой территории до прихода русских. Государство было заинтересовано во включении этих земель в состав империи наименее затратным способом — с помощью казачьих формирований. Казаки Исетской провинции изначально государственного жалованья не получали, и это рассматривалось как вариант сотрудничества, устраивающий обе стороны — государство, экономившее немалые средства, и крестьян, чей социальный статус с причислением к казачеству повышался. Поскольку казачьи формирования Оренбургского края создавались сверху, то и основные стороны казачьего быта выстраивались, регулировались и контролировались государством.

⁶⁷ Там же, л. 351 об.

⁶⁸ Там же, л. 228.